

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Ложкиной Анастасии Витальевны
на тему: «Беседа о субъекте-пудгале» как философско-религиозный диалог в структуре
палийского канона («Катхаваттху I.1»)
по специальности 09. 00. 03 – история философии
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Актуальность избранной темы. Актуальность темы исследования А.В. Ложкиной обусловлена тем, что объектом ее исследования стал впервые осуществленный ею перевод с языка пали на русский язык важного для буддийской философии текста – «Катхаваттху» («Разъяснение предметов дискуссий», далее – КВ). Он считается продекламированным Моггалипуттой (Моггалапуттой) Тиссой на Третьем буддийском соборе в Паталипутре (ок. 255 до н.э.) и входит в третью корзину Палийского канона – «Абхидхамма-питаку». Текст является чрезвычайно трудным для понимания, поскольку значительную часть содержащейся в нем информации приходится реконструировать по контексту.

Достоверность и новизна исследования

Достоверность исследования фундирована обращением к первоисточнику на языке оригинала, а его новизна состоит в том, что в нем автор вводит в научный оборот отечественной буддологии перевод «Катхаваттху», восполняет лакуны в знании о концепции *пудгалы* в этом сочинении и в раннем буддизме в целом (поскольку без учета текста КВ такое знание нельзя считать удовлетворительным). А.В. Ложкина впервые в отечественной историко-философской традиции проводит подробный текстологический анализ названного сочинения, отводит много места этимологическому разбору базовых буддийских концептов и логическому анализу структуры полемики в КВ (в частности, реконструкции метода *восьми опровержений*) и оценке ее влияния на структуру всего текста.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, представляется высокой, хотя некоторые утверждения автора, как будет показано ниже, нельзя не признать спорными. Рабочая гипотеза диссертантки на С.11 содержит 7 простых тезисов, которые в целом обоснованы в диссертации, но только два из них имеют проблемный характер для современной буддологии. Помимо гипотезы, диссертация содержит положения, выносимые на защиту, формулировки которых содержат неясности. В общем, в работе содержится достаточный материал для обоснования полученных в результате исследования выводов. Для проведения текстологического и этимологического анализа, занимающего важное место в

методологическом арсенале диссертационной работы, были использованы не только КВ, но и другие буддийские первоисточники из Палийского канона и околоканонические, – в частности, «Милиндапаньха» («Вопросы Милинды») и «Абхидхармакоша» («Энциклопедия абхидхармы») Васубандху, – а также большой массив исследовательской литературы.

Выводы исследования вынесены в Заключение работы. Там они сформулированы нечетко, что, на мой взгляд, обусловлено дескриптивной установкой цели исследования, определенной для своей работы А. В. Ложкиной как «создание наиболее полной и всесторонней картины функционирования концепта *пудгала*» (С. 9). Аналогично сформулированы и задачи исследования: «предложить свою картину формирования и развития концепта *пудгала* в раннем буддизме»; «выяснить, как соотносится концепция *пудгала* с классической буддийской концепцией субъекта» и т.п. (С. 9–10).

Значимость полученных автором результатов для науки и практики вытекает из вышеуказанных актуальности темы исследования и новизны его результатов. Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что в ней очерчено проблемное поле дальнейшей исследовательской работы с концептом *пудгалы* и с «Катхаваттху», а также заложен ее фактуальный фундамент.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации: автору можно рекомендовать опубликовать ее диссертацию в виде книги после устранения отмеченных недостатков.

Общее содержание диссертации. Диссертация А.В. Ложкиной состоит из Введения, двух глав (включающих, в порядке очередности, три и одиннадцать параграфов), заключения, списка литературы и Приложения – полного перевода текста первой главы «Катхаваттху» с языка пали, выполненного в нашей стране впервые.

Во **Введении** автор обосновывает актуальность своей темы, степень научной разработанности проблемы, указывает объект и предмет изучения, цели и задачи исследования, характеризует теоретическую базу исследования и его методологию, излагает основные сведения об исследуемом источнике, формулирует рабочую гипотезу исследования и приводит список выносимых на защиту положений. Впечатляет список публикаций и выступлений диссертантки, в которых были апробированы результаты ее исследований.

Первая глава «„Катхаваттху“ („Вопросы дискуссии“) как текст в структуре Палийского канона» очерчивает культурный контекст «Катхаваттху», его значение в буддизме тхеравады и отмечает основные проблемы, на которые обращали внимание

исследователи текста. В **параграфе 1.1** автор сосредоточивается на описании Палийского канона: его структуры, жанрового своеобразия. **Параграф 1.2** посвящен специфике литературы абхидхаммы и месту в ней исследуемого первоисточника. В **Параграфе 1.3** автор обобщает информацию исторического и филологического характера о «Катхаваттху», концентрируя ее в соответствующих подразделах параграфа, останавливаясь на: жанровой принадлежности, структуре и лексике источника (1.3.1); на проблематике текста (1.3.2); на изданиях и переводах (1.3.3); на очерке комментаторских традиций (1.3.4) и трех подходах к изучению «Катхаваттху» (1.3.5).

Вторая глава «„Пудгала-катха“ („Беседа о пудгале“, „Катхаваттху 1.1“») посвящена исследованию религиозно-философского и диалектического содержания первоисточника. Выделенные в ней десять параграфов соответствуют внутреннему делению «Пудгала-катхи».

В **Параграфе 2.1.** рассмотрен применяемый тхеравадинами метод «восьми опровержений» оппонентов, который детерминировал каркас текста «Катхаваттху». В развернутом виде метод представлен в первой главе текста. **Параграф 2.2.** анализирует полемику, в которой несуществование эмпирического субъекта обосновано посредством рассмотрения его соотношения с группами элементов психического опыта-*дхарм*: *скандхами* (пали *кхандха*), *аятанами*, *дхату* и *индриями*; **параграф 2.3** посвящен полемике, аргументами в которой являются сопоставления эмпирического субъекта и группы *дхарм*, ответственных за «психический образ чувственной реальности» (*рупа*), которое проводится по аналогии с сопоставлениями *рупа* и ощущения (*ведана*). В **параграфе 2.4.** исследован фрагмент полемики, в котором несуществование пудгалы демонстрируется методом «четырёхчастного сопоставления» (*catukkanaya saṃsandanam*) эмпирического субъекта и *дхарм* «чувственно воспринимаемого». Метод предполагает рассмотрение и опровержение четырех высказываний, субъектом которых является *пудгала*, а предикатом *рупа*, а логические отношения варьируют от общеутвердительного и общеотрицательного до двух разновидностей частноутвердительных высказываний, в которых *пудгала* и *рупа* попеременно выполняют роли субъектов и предикатов.

В **параграфе 2.5** предметом исследования является дискуссия, аргументы которой черпаются из рассмотрения концепта «*лакшана*» – «специфического признака предмета». **Параграф 2.6.** посвящен фрагменту полемики, в котором несуществование эмпирического субъекта демонстрируется посредством прояснения его отношений с концептами «познаваемое», «реальное в высшей степени», «существующее». В **параграфе 2.7.** с метафорическим названием «Исследование обозначений» автор

рассматривает ту часть «разногласий» тхеравадина и пудгалавадина, в которой реальность эмпирического субъекта отрицается на основании его сопоставления с тремя мирами буддийской космологии: «миром форм» (*rūpa-dhātu*), «миром чувственного» (*kāma-dhātu*) и «миром без форм» (*arūpa-dhātu*). Тхеравадин и пудгалавадин исследуют вопрос о том, принимает ли эмпирический субъект характеристики этих трех миров – становится ли он имеющим форму в мире форм (*rūpī*), желающим в мире чувственного (*kāmī*), не имеющим формы в мире не-форм (*arūpī*). В этой части текста начинается также проблема перерождения пудгалы, проясняется соотношение 4-х пар терминов: *кайя* и *сарипа* (тело как активное и как пассивное), *пудгала* и *джива* (одушевляющий принцип / жизненная способность), *кайя* и *пудгала*, *джива* и *сарипа*.

Параграф 2.8 «Исследование производных терминов» рассматривает содержание и ход полемики в связи с перерождением, с прояснением ответа на вопрос: кто перерождается? В нем также исследуется происхождение номинации «пудгала» в сопоставлении с происхождением базовых концептов буддизма, собранных в *матрики* (классификационные перечни). **Параграф 2.9.** рассматривает полемику о существовании эмпирического субъекта через его соотнесение с буддийскими концептами деяния (*kammat*), вызревания и вкушения плода благих деяний (*kalyāna-pāpaka*). Также затрагивается проблема счастья (*sukham*) и страдания-неудовлетворенности (*dukkham*). **Параграф 2.10.** посвящен фрагменту полемики, в котором в качестве аргументов использованы соотношения эмпирического субъекта и магических способностей (*iddhi*). Последний в главе **параграф 2.11.** содержит исследование дискуссии, опирающейся на соотношение эмпирического субъекта и таких качеств, о которых говорится в различных частях Палийского канона, например, «вступивший в поток» (*sotthapanna*), «невозвращающийся» (*arhat*), «освобожденный двумя способами» и т.п.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Список использованной литературы содержит достаточное количество (93) источников.

Достоинства и недостатки диссертационного исследования.

Главным достоинством работы является то, что ее частью стал первый перевод с языка пали на русский сложный первоисточника буддизма. Позитивной оценки заслуживает собранный диссертанткой обширный материал по истории формирования Палийского канона, по истории «взаимоотношений» утвердившегося текста Канона и предшествовавших ему вариантов (в частности – на языке магадхи), повлиявших на язык «Катхаваттху», а также по истории переводов и изданий различных вариантов Канона и

по истории комментаторской литературы. В числе достоинств также – выполненная диссертанткой аналитическая работа по прояснению содержания буддийских концептов с привлечением авторитетных буддийских сочинений и значительного числа российских и зарубежных исследований. В связи с использованным буддистами концептуальным аппаратом автор диссертации верно заметила сознательное неиспользование буддистами для обозначения человека санскритских слов, использовавшихся в брахманистской литературе: *pāra* – «[благородный] человек» и *puruṣa* из космогонических ведийских гимнов (С. 58). Можно предположить, что последний термин несубстанциалисты буддисты не хотели использовать по той причине, что он обозначал субстанциальное начало мира. Интересна также предпринятая в диссертации попытка проследить историю и причину появления в буддизме термина *puṅgala* (С. 59–60). Весьма ценным является наблюдение, что в КВ нет «утверждения, что пудгалавадины признают или отрицают существование субъекта. Обсуждению подлежит не онтологический статус субъекта-пудгалы, а его познаваемость» (С. 62).

А.В. Ложкина совершенно справедливо отметила малое количество переводов и исследований текстов абхидхаммы (С. 3–4) и их зачастую источниковедческий (в нашем понимании, филологический. – Н.К.), а не историко-философский характер (С. 8) уникальность «Катхаваттху» в качестве источника информации по истории раннего буддизма (С. 4).

В работе присутствует вполне оправданная критика интерпретации структуры Палийского канона, допускающей включение в него текстов, созданных на других языках буддизма, которая была предложена Г. В. Шарыгиным (С. 28–29). Заслуживает внимания сделанный в финале исследования вывод (С. 138–139), что «фигуры пудгалавадина и тхеравадина не связаны с конкретными личностями и не являются реальными или вымышленными персонажами. «Пудгалавадин» и «тхеравадин» в беседе являются некими позициями, точками зрения на определенный вопрос». Можно только добавить, что их дискуссия в КВ – пример чисто схоластического (школьного) спора, подобного тем, которые велись и в школах западной схоластики. Эти споры, целью которых не было установление объективной истины, но только обоснование доктринальной истины своей школы, включали формализованные процедуры всестороннего рассмотрения (*парикша*), аргументы как «за», так и «против» одних и тех же тезисов и антитезисов. Решение о победе принимало жюри. В западной логике такие формы полемики получили название антитетического доказательства; они использовались для тренинга диалектических навыков, а окончательный итог полемики подводил наставник, руководившей ею. Оценку

споров в КВ как схоластических подтверждает, согласно диссертантке, и комментатор Канона Буддхагхоша, когда говорит, что опровержения пудгалавадин «ненастоящие» и ведут только к укреплению позиции тхеравадина (С. 144).

Наряду с несомненными достоинствами представленной к защите диссертации А.В. Ложкиной, в ней встречаются отдельные недоработки, неясные или спорные утверждения. Так, формулируя задачи своего исследования, автор на с. 9–10 в качестве пятой из них называет выявление через рассмотрение позиций *пудгалавадина* и *тхеравадина* соотношения «концепции *пудгала* с классической буддийской концепцией субъекта». Здесь неясно, о какой *классической* концепции идет речь, и какая из концепций (*пудгалавадина* или *тхеравадина*) будет с ней соотноситься?

Тхеравада и пудгалавада названы «направлениями» (С. 3) – разве это не школы буддизма?

Слабо представлена методология исследования. В основном автор использует методы лингвистического анализа: текстологического и концептуального, хотя в методологическом разделе своей работы относит концептуальный анализ к средствам историко-философского анализа (С. 10), а критический анализ полагает инструментом выявления «закономерностей построения структуры текста», к которым относится метод *восьми опровержений*. На самом деле метод *восьми опровержений* критическим анализом не выявляется, поскольку он является формально-логическим правилом полемики, т.к. он определяет закрепившуюся в буддийских школах структуру полемики, которая, кстати, была полностью реконструирована и записана языком логики высказываний в статье Дж. Ганери, на которую ссылается диссертантка.

У Ганери эта структура выглядит гораздо проще, чем в защищаемой диссертации, в которой она описывается только средствами естественного языка. Дж. Ганери использует язык символической логики и сначала различает в КВ предметные дискуссии, затем в дискуссии по каждому отдельному предмету устанавливается наличие субдиалогов, или вступлений (*atthamukha*). Их последовательность в тексте определена тем, что каждый субдиалог начинается с установления тезиса, уточняющего главный тезис в одном из восьми отношений, которые можно выразить символически: [1] А есть В? [2] А не есть В? [3] А везде есть В? [4] А всегда есть В? [5] А во всем есть В? [6] А во всем не есть В? [7] А всегда не есть В? [8] А во всем не есть В? [Ганери, 2001: 486]. В тексте «Катхаваттху» присутствие этой структуры обозначено заголовком «Восемь опровержений» [Катхаваттху, 1915: 8].

Каждый субдиалог делится на 5 ступеней и включает процедуры, называемые 1) анулома (*anuloma*, букв. «по росту волос», «в естественном порядке») – «путь вперед», 2) патикамма (*paṭikamma*, букв. «восстановление равновесия», «компенсация») – «путь назад», 3) опровержение (*niggaha*), 4) применение (*upapayana*) и 5) заключение (*niggamana*). По смыслу происходящего эти пять ступеней представляют собой: 1) атаку на респондента, 2) контр-атаку респондента, 3) защиту против первой атаки, 4–5) объединение контр-атаки и защиты [Ганери, 2001: 487].

Следствием дескриптивной установки, заложенной в дефинициях целей и задач исследования (С. 9), стало оформление тематических разделов диссертации как коллекции описаний контекстов употребления термина *пудгала* и его интерпретаций разными исследователями, которые автору не удалось упорядочить по какому-либо критерию и обобщить.

Не определена связь цели и задач диссертационного исследования с выдвигаемой рабочей гипотезой (С. 11). Каждое из пяти предложений, в которых формулируется рабочая гипотеза, выражает тезисы, причем первое – сложный, состоящий из трех тезисов. И только тезисы в третьем и пятом предложениях – «Понятие *пудгала* для раннебуддийских школ было центральным местом в полемике» и «Главное место в контекстуальном анализе концепта *пудгалы* принадлежит «Катхаваттху» (переформулировано оппонентом. – Н.К.) – могут претендовать на статус проблем. Однако они выглядят недостаточно обоснованными, т.к. выведены на основе очень небольшого количества первоисточников. Тезис в четвертом предложении – «Данное понятие (т.е. *пудгала*. – Н.К.), до конца не эксплицированное в канонических текстах, можно раскрыть через анализ его употреблений и анализ понятий, взаимосвязанных с ним» – проблемным не является, так как связан с хорошо известным методом контекстуального анализа, применяемым во всех познавательных практиках и основанным на логической операции контекстуального определения.

Приводимые на той же странице «Основные положения, выносимые на защиту» сформулированы некорректно. Если, как сказано в п. 1 «Данное понятие (*пудгала*. – Н.К.), а также связанные с ним понятия раннебуддийской философии, нуждаются в обсуждении и новой интерпретации», то нужно ли засчитывать как «новую» их интерпретацию, предложенную в диссертации, или она является недостаточной?

В п. 2 неясно о какой «стандартной буддийской критике существования *пудгалы*, например, по вопросу соотношения *пудгалы* и *скандх*» идет речь? В каком именно первоисточнике? Такое неконкретное утверждение очень трудно защитить.

Неточно сформулирован п. 3 в той части, где сказано: В «свернутом» виде метод *восьми опровержений* присутствует в каждом фрагменте «Катхаваттху». – Строго говоря, метод *восьми опровержений* направляет полемику по всем вопросам, определяя последовательность ее шагов. Неточно говорить, как это сделано в п. 4, что в «Беседе о субъекте-пудгале» «используются специальные полемические приемы – повтор, переспрос, контрвопрос и др.», поскольку перечисленные приемы являются частями метода *восьми опровержений*.

Трудно согласиться с выводом диссертантки, что «подход к анализу текстов *типитаки* в настоящее время не разработан» (С. 16). В литературе описаны разные подходы к изучению религиозно-философских текстов: филологический, философский, конфессиональный. Последний хорошо заметен в работах монахов-буддистов, в том числе пришедших в буддизм из христианской культуры (например, в книге «Слово Будды» выходца из Германии Астона-Уолтера Геса, принявшего имя Ньянатилока). В философии уже давно опубликовано множество работ по проблемам перевода инокультурных текстов, в которых определены герменевтические методы или методы интерпретации. И автор сама ссылается на работы В.Н. Романова о принципах интерпретации.

Нельзя согласиться с отрицанием А.В. Ложкиной необходимости символической записи метода *восьми опровержений* в «Катхаваттху» (на С. 75), , т.к. дискуссия в КВ явным образом формализована: в ней использованы одни и те же выражения-термины, и целью ее является установление *логических* противоречий. Символическая запись наглядно демонстрирует структуру полемики в легко обозримой совокупности формул, а описание дискуссий словами эту структуру затемняет.

Есть недочеты и в оформлении диссертационной работы. Так, на всем ее протяжении встречается двоякое написание названий разделов Палийского канона: правильное – с прописной буквы и в кавычках – и неправильное – со строчной буквы и без кавычек (абхидхамма-питака – сс. 11,16, 23, 24, 25 и далее; сутта-питака – сс. 16, 19, 22, 23,24, 25 и далее; виная-питака – сс. 19, 22, 23 и далее).

На С. 18 Неточно передана мысль Д.И. Жутаева из его доклада «Размышления о структуре раннебуддийского доктринального текста (буддийский гибридный санскрит, пали)» (Рериховские чтения 2002 (юбилейные)). А. Ложкина написала: « Доктринальный текст определяется исследователем как гипотетический общий *тип структуры* текстов»

– это логически неправильное определение, в нем объемы определяемого (доктринальный текст) и определяющей части («тип структуры текстов») не совпадают. Жутаев Д.И. написал, «гипотетический общий тип структуры мы имеем в виду, вводя понятие раннебуддийского доктринального текста», то есть тип структуры является основанием для выделения доктринальных текстов.

Не очень убедительны приводимые в диссертации рассуждения о жанре «Катхаваттху», потому что не проведены различия между классификациями текстов в буддизме и в исследовательской литературе и не определены критерии классификации.

На С. 19 диссертантка неверно приписала Шарыгину Г.В перевод слова «*типитака*» – «хранилище» как «более близкий этимологии слова», в то время как у автора приведенный перевод относится только к слову «*питака*».

Некорректно называть стиль текстов «Абхидхамма-питаки» «сухими дефинициями» («определениями»), как это сделано на С. 25, и использовать вместо слова абхидхамма название раздела Канона абхидхамма-питака (именно в таком написании, С. 29); некорректно называть «Абхидхамма-питаку» метажанром и методологией (С. 35). – Все же мета-жанр и методология относятся к разным родам, правильнее говорить о мета-жанре со своей методологией и о принадлежности «Абхидхамма-питаки» к названному жанру текстов.

На С. 31 смешиваются значения терминов «классификация» и «периодизация». В данном контексте правильно говорить о периодизации, определяемой временем создания конкретных текстов.

Представляется, что о диалогической форме текстов абхидхаммы корректнее говорить не как о «формате ритуального диалога» (С. 36), а как о «формализованных диалогах», коль скоро для них закрепляются формальные правила, определяющие последовательность и формы выдвижения тезисов, антитезисов и аргументов для их доказательства и опровержения. И диалогическую форму «Катхаваттху» нельзя считать уникальной (С. 37), поскольку в Древней Индии еще в шраманский период (V в. до н. э.) закрепляется всестороннее рассмотрение (*парикиша*) вопросов в качестве не только метода ведения полемики, но и обоснования истинности утверждений. Этот метод становится маркером теоретического (в смысле высшего) знания вообще, его парадигмальным признаком, так же как «наслаивание» смыслов текстов абхидхаммы на смысл *сутт* является парадигмальной формой традиционного для Индии теоретического текста, маркером его принадлежности к теоретическому дискурсу.

Перевод А. В. Ложкиной одного из полемических вопросов седьмой главы КВ: *nathī keci dhammā kehīci dhammehi saṅgahitāti?* – «возможна ли классификация предметов?» (С. 42) – является «калькой» английского перевода К. Рис-Дэвидс, затемняющей смысл полемики в первоисточнике. В «Катхаваттху» имеется в виду «собирании» объектов в группы посредством универсалий, что явствует из текста ниже. Цель полемики – не знание о разновидностях вещей, а знание об их бессамостности, о том, что за названиями вещей стоят только дхармы.

Когда автор диссертации (С. 64) пытается объяснить значение концепта *пуггала*, воспроизводя его соотношение с элементами классификационных схем *дхамм*, пламенем свечи и т.п. и ограничиваясь сравнениями из КВ, ей явно не хватает концепта духовной субстанции, который использовали представители не-буддийских школ, строившие свои концепции освобождения (*мокши*) на субстанциальных атрибутах души. Душа как духовная субстанция отлична от кармических загрязнений, истоки которых в материальной субстанции, поэтому она обладает способностью к освобождению. Буддисты в своей сотериологии делают акцент на несубстанциональности, изменчивости сознания: оно меняется, не имеет неизменной сущности, поэтому может достичь освобожденного состояния.

В анализе дискуссии *пуггалавадина* и *тхеравадина* (С. 66–76) А. В. Ложкина уделила большое внимание вариантам переводов текста КВ, но смысл текста все же остается «закрытым», потому что значение исходных терминов не прояснено. Более понятной дискуссии делает такой перевод исходных вопросов полемики:

Puggalo upalabbhati saccikaṭṭaparamaṭṭhenāti? – Эмпирический субъект воспринимается, так же как [воспринимается всякая] реальная и объективная сущность? ... *Yo saccikaṭṭo paramaṭṭho tato so puggalo upalabbhati saccikaṭṭaparamaṭṭhenāti?* – Эмпирический субъект воспринимается таким же образом, каким воспринимается [всякая] реальная и объективная сущность? (КВ I.1.1).

В первом вопросе акцент ставится на воспринимаемости *пудгалы*, а во втором – на механизме восприятия, применимости того же самого механизма, каким воспринимаются материальные или духовные субстанции.

В дискурсе автору не хватает также владения западной терминологией теории полемики. Видно, что она не очень хорошо представляет себе, как нужно исследовать древний полемический текст, и просто воспроизводит мнения авторитетных классиков. Но решение этой проблемы есть у тех авторитетных классиков, с которыми автору

предстоит познакомиться в будущем, продолжая исследования КВ. Согласно методологии Б. К. Матилала, нужно различить уровни анализа: логический, лингвистический и философский, и проводить каждый из них соответствующими теоретическими методами. В представленном к защите тексте диссертации лингвистический анализ описан лучше, чем остальные формы анализа.

Странно, что рассматривая (С. 82) содержание концепта «индрия» в КВ исследовательница не обратила внимания на его нестандартную интерпретацию в памятнике. О степени ее нестандартности можно получить представление из статьи *Лысенко В.Г.* Индрии // *Философия буддизма. Энциклопедия* / отв. ред. Степанянц М.Т. М: Восточная литература, 2011. С. 329. Только буддисты говорили о 22 индриях, выводом содержание этой категории за рамки стандартных «воспринимающих способностей и органов действий».

На С. 138 автор, некритически следуя А. Бхаттачарье, называет использующиеся в «Катхаваттху» методы обсуждения новых посылок и новых терминов «логическими». Это – диалектические методы, методы теории полемики, которые не всегда подчиняются привычной нам логике. Здесь же неправильно записана формула: $p > q$; в формуле должна стоять импликация: $p \supset q$.

Когда диссертантка ссылается (С. 139) на оценку *пудгалавады* К. Козеру в Стэнфордской энциклопедии и переводит persons как «личность», ее выбор значения можно назвать неудачным, поскольку предмет исследования – концепт эмпирического субъекта (*пудгалы*), имеющий другие основные признаки.

В работе есть непоследовательные переходы мысли (С. 21; 22), встречаются не всегда общепринятые написания имен: Фрауваллнер (7 тыс) против Фраувальнер (293 тыс.), Бошенский вместо Бохеньский; не вполне корректно оформлен Список литературы: в нем статьи, опубликованные в энциклопедиях («Индийская философия: Энциклопедия» и *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2010), даются под «шапкой» энциклопедии, а по правилам они должны атрибутироваться авторам; в библиографии отсутствуют работы некоторых авторов, на чьи идеи диссертантка ссылается; в постраничных сносках дается полное описание работ, которые уже указаны ранее.

Не смотря на отдельные недочеты, о научной работе соискателя можно сказать, что она обнаруживает способность автора к исследованию философских текстов, ее заинтересованность в теме, демонстрирует самостоятельно полученные результаты.

Заключение

Несомненные достоинства диссертации и присутствующие в ней достижения позволяют заключить, что диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи реконструкции более адекватной, чем наличествовала в русскоязычной философской литературе ранее, картины функционирования концепта *пудгала* (субъекта, the Self) в философско-религиозном диалоге «Беседа о субъекте-пудгале» («Катхаваттху 1.1»).

Представленная к защите работа А. В. Ложкиной соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент,

Кандидат философских наук, доцент,

(специальность 09.00.03 – история философии)

Факультета гуманитарных наук

Национального Исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Россия, 105066

телефон: 8(495)772-95-90; доб. 22682

адрес электронной почты – nkanaeva@hse.ru

/ Канаева Н.А. /

23.12.2019 г.

Подпись заверяю

